

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-16-20

Конеv Андрей Николаевич
Andrey N. Konev

доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник
Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of technical sciences, candidate of sciences (law), associate professor, head
Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexander Kosmodemyan-
skih st., 125171)

E-mail: press_akadem@mvd.gov.ru

Идеология уголовной юрисдикции церкви на Руси в XI—XIII веках

Ideology of criminal jurisdiction of the Church in Russia in 11—13 centuries

Статья посвящена исследованию идеологии становления уголовной юстиции в церковных судах Руси в XI—XIII веках. Автором сделан вывод о том, что не смотря на формирование церковных правоотношений в Древней Руси, в том числе и в юрисдикционной сфере, на основе византийских канонических источников, тем не менее порядок судебного разбирательства в церковных судах имел свою специфическую природу, обусловленную особыми социально-политическими и экономическими условиями развития.

Автор делает вывод, что дифференциация власти на светскую и церковную неизбежно способствует и дифференциации судопроизводства, ведет к разграничению подсудности. Таким образом, всякая власть неизбежно стремится к своему собственному выражению и в сфере судопроизводства, к своему пониманию кары за преступление, однако подобная дифференциация не лишена и устремлений к унификации. Издержки автономии церковной «юридической идеологии» преодолеваются, с одной стороны, путем интеграции отдельных ее процессуальных и материальных находок в светское законодательство, а с другой — достаточно серьезным влиянием общей идеологии монопольного права государя на осуждение и наказание.

Ключевые слова: идеология, церковные правоотношения, каноническое право, судебное разбирательство.

The article is devoted to the study of the ideology of the formation of criminal justice in the church courts of Russia in the 11—13 centuries. The author concludes that despite the formation of church legal relations in Ancient Russia, including in the jurisdictional sphere, based on Byzantine canonical sources, nevertheless, the procedure for judicial proceedings in church courts had its own specific nature, due to special socio-political and economic conditions of development.

The author concludes that the differentiation of power into secular and ecclesiastical inevitably contributes to the differentiation of legal proceedings, leads to the differentiation of jurisdiction. Thus, all power will inevitably strive for its own expression in the field of legal proceedings, for its understanding of punishment for a crime. However, such differentiation is not devoid of aspirations for unification. The costs of the autonomy of the church “legal ideology”, on the one hand, are overcome by integrating its individual procedural and material findings into secular legislation, and on the other hand, by the sufficiently serious influence of the general ideology of the sovereign’s monopoly right to condemn and punish.

Keywords: ideology, church legal relations, canon law, litigation.

Ретроспективный анализ идеологических основ уголовного судопроизводства предполагает обязательную оценку влияния церкви на уголовное судопроизводство. Подобное влияние представляет значительный интерес в понимании глубинных основ уголовного процесса

разыскного типа и влияния на формирование последнего канонического права.

Начало формирования церковной организации в Киевской Руси было обусловлено принятием христианства. Новая церковная система должна была обладать всеми атрибутами

© Конеv А.Н., 2019

власти и в перспективе составить конкуренцию светской власти, в том числе и в сфере реализации юрисдикционных полномочий с разработкой своих специфических процессуальных форм. Основания для предположения подобной тенденции вытекали из закономерностей развития церковного влияния на судопроизводство в странах Европы.

Однако в нашем отечестве в полной мере этого не произошло, что обусловлено специфическим развитием православной церковной организации на Руси в досинодальный период и ее (организации) зависимости от социально-политических и экономических условий развития княжеств.

Во-первых, церковная организация Киевской Руси возглавлялась митрополитом, который назначался из Константинополя. С одной стороны, это обстоятельство повышало политическую роль Киева его Византийским представительством. С другой стороны, вся последовавшая за принятием православия политика русских князей, начиная с Ярослава Мудрого, обнаруживает все больше и больше проявляющиеся стремления к независимости Русской церкви от Константинополя. Все эти противоречия постоянно держали в напряжении отношения Руси и Византии, о чем свидетельствует интенсивный обмен документами по различным аспектам церковной жизни [1, с. 144—145].

Во-вторых, главная роль в выстраивании церковной организации и распространении церковной жизни принадлежит не только князьям, но и в значительной степени княжеской знати, которая стремилась активно влиять на события не только в политической, но и духовной сфере. Подобное обстоятельство способствовало развитию церковной организации с одновременным усилением ее центральных органов и местных образований.

Так, Титмар Мерезбургский в своих записках начала XI века писал о наличии в Киеве 400 православных храмов [2, с. 328—329]. И если к началу XI века епископии существовали только в Киеве, Новгороде, Переславле, Белгороде, Владимире-Волынском и, возможно, в Чернигове и Ростове [3, с. 24], то уже в середине XII века на Руси было 16 епархий, в значительной степени соответствующих крупным русским княжествам [4, с. 22].

В-третьих, численный рост епархий, церквей и монастырей вызвал к жизни специфический круг проблем. Княжескую власть беспокоил отток трудоспособного здорового населения в монастыри, где работодателем предоставлялись лучшие условия, чем на дворе феодала.

С другой стороны, развитие церковной организации придавало беспокойство и местному населению на территориях, где церковная власть разворачивала свою хозяйственную деятельность. Эти обстоятельства как по отдельности, так и в комплексе провоцировали рост числа нападений на монастыри и порой даже насильственных воспрепятствований их деятельности, что должно было стать толчком к формированию «правового» поля, в рамках которого могли стабильно функционировать светская и церковная власти.

В-четвертых, ни в Древнейшей Правде, ни в Правде Ярославичей нет норм (отсутствуют они и в пространной редакции Русской Правды), которые регулировали церковные отношения, хотя бы в отношениях с княжеской властью. В.О. Ключевский объясняет это обстоятельство почти одновременным принятием Устава Ярослава и Правды Ярослава.

В свою очередь, С.В. Юшков считает, что ко времени принятия Русской Правды «церковь уже добилась от русских князей — Владимира и Ярослава — подтверждение тех судебных прав, которыми она обладала в Византии», и более того — отнесение «к ее юрисдикции ряда дел, которые в Византии разбирались светским судом», и какого-либо нового правоустановления не требовалось [5, с. 126].

В этой связи исследователи полагают, что нормы, регламентировавшие как внутрицерковные отношения, так и взаимоотношения с княжеской властью уже к середине XII века были разработаны достаточно подробно [6, с. 246—249].

Таким образом, первым и важнейшим памятником отечественного права является Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных (далее — Устав князя Владимира...) [7]. По своему внутреннему содержанию этот документ включает в себе пожалование десятины в пользу Церкви, в нем определены также круг лиц и перечень дел, подсудных святительскому суду. Этот документ сохранял свое юридическое значение в течение нескольких веков.

Исследуя этот юридический памятник, С.В. Юшков пришел к выводу, который в последствии получил всеобщее признание, о том, что: «В основе Устава... лежит грамота о выделении десятины церкви Богородицы в 995—996 годах, которая была переработана в первый устав в начале XI века (до 1011 г.) в связи с учреждением епископских кафедр, распространением на них церковной десятины и установлением церковной юрисдикции. Устав продолжал

складываться и развиваться в XI—XII веках вместе с укреплением и расширением церковной организации. В него были внесены перечни церковных судов и церковных людей. Архетипичный текст, лежащий в основе существующих редакций, сложился в середине или второй половине XII века» [5].

В соответствии с Уставом князя Владимира... в Оленинской, а позднее и в Синодальной редакциях к церковной юрисдикции были отнесены преступная любовная связь («смильное заставание»), пошибание (изнасилование), умычка (похищение женщины), браки между близкими родственниками, различные виды чародейства и волшебства (ведьство, зелейничество, потвори, чародеяния, волхования, зубожеа, еретичество), татьба, гробокопательство, идолопоклонство, осквернение храмов, избивание сыном отца или матери дочь, неприличное защищение женою своего мужа в драке, противоестественные пороки, убийство матерью незаконно прижитого младенца. Уголовно преследовался также и обман покупателя, совершенный при торговле, который должен был быть выражен в нарушении «торговые всякие мерила и спуды, извесы, ставила» (ст. 9).

Указанный документ содержал в себе идею судопроизводственной автономии церкви. Применительно к системе правосудия Устав князя Владимира... (оленинская редакция) со ссылкой на греческий Номоканон предоставлял церковной организации право суда с запрещением вмешиваться в этот вид ее деятельности лицам, облеченным полномочиями светской судебной власти, включая самого киевского князя, его бояр и судей (ст. 4), а также детей и внуков князя (ст. 6) [7, с. 140].

Перечень лиц, попадающих под юрисдикцию суда церковной организации Киевской Руси, определен в статье 10 Устава князя Владимира... и содержит в себе следующий перечень церковных людей: «игумен, игуменья, поп и попадья. Черница, дьякон, дьяконова, проскурница, пономарь, вдовица, калика, сторонник, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк и вси причетници церковные, дети их, и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница, паломник, лечец, прощенник [7, с. 140]. Завершающая статья 11 определяет круг церковных судей, которые наделяются правом судить вышеперечисленных лиц.

В Киевской Руси впервые в отечественной юридической истории была определена самостоятельная судебная юрисдикция церковной организации и установлены границы ее право-

вых взаимоотношений со светской властью. В юридическом документе, указанном выше, была определена и система наказаний, которая получила свое дальнейшее развитие в уставе князя Ярослава Мудрого, который сохранился в двух редакциях: Краткой, датируемой XI — началом XII века, и Пространной, происхождение которой ученые относят к XII — первой четверти XIII века.

Как заметил В.О. Ключевский, «...церковный суд, как он поставлен в уставе [Ярослава], должен был служить проводником в русском обществе новых юридических и нравственных понятий...» [8, с. 261]. В период с XII по XIII век преемники Владимира и Ярослава Мудрого принимали уставы относительно регламентации государственно-церковных отношений, но в них не содержались какие-либо принципиальные отличия от положений рассмотренных выше документов, а в основном определялись взаимоотношения церковной организации с удельными князьями [9, с. 104].

По отношению ко всем последующим церковно-правовым документам Церковный устав Ярослава являлся общим судебником, «пытавшимся провести разделительную черту и вместе с тем установить точки соприкосновения между судом государственным и церковным» [9, с. 104]. Своеобразие церковного судопроизводства в Киевской Руси до синодального периода заключается в том, что в ведение святительских судов входили и некоторые уголовные дела о преступлениях, виды которых были перечислены выше.

Уставы Владимира и Ярослава в полной мере обладали юридическим значением до начала Петровских преобразований конца XVII — начала XVIII века. Нормы этих правоустановлений не содержат указания на порядок рассмотрения святительским судом дел, однако некоторые выводы о порядках церковного судопроизводства, конечно, с определенной долей вероятности, можно сделать по событиям, сохранившимся в летописаниях.

Эти события можно выстроить в следующем хронологическом порядке: суд митрополита Леонтия над иноком Андрианом, который обвинял церковнослужителей во лжи и обмане [10, с. 68]; судное дело в отношении новгородского епископа Луки Жидяты [11, с. 182—183]; суд епископа Никиты над еретиком Дмитрием, заточенным в митрополичьем городе [10, с. 152]; судное дело в отношении суздальского епископа Леона, которого обвиняли в захвате чужой кафедры [12, с. 351—352]; суд над печерским архимандритом Поликарпом [12, с. 354—355] и другие.

Анализ летописных описаний этих судебных дел позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, было бы ошибочно полагать, что с началом возникновения церковных отношений на Руси и с появлением уставов Владимира и Ярослава церковная юрисдикция представляла собой отлаженную систему органов и канонических взаимоотношений, как о том пишут в некоторых учебниках [13, с. 429—430].

Общественные отношения Древней Руси, по сути, не соответствовали общественно-политическому устройству Византии. Как справедливо отметил В.В. Мильков, что: «...ситуация с переводом церковного законодательства очень близко напоминает отбор книг Кириллом и Мефодием, а затем и другими славянскими переводчиками» [14, с. 132—179]. Иными словами, население, включая многих священнослужителей, князей и представителей знатных родов, было совершенно не знакомо даже с основными положениями канонического права. В своих судебных делах и решениях они долго действовали по своему усмотрению и избирательному пониманию канонических законов, в том числе и регламентированных ими судебных процедур.

Во многих описанных в летописях случаях судебный спор и судебные решения были обусловлены не столько нарушением канонических норм, сколько политическими, а порой и экономическими разногласиями между ними. В этой связи Б.А. Романов предлагал не идеализировать внутрицерковные отношения Древней Руси [15].

Во-вторых, судебное рассмотрение дел в святительских судах имело не столько форму судопроизводства, а скорее некоторой дискуссии или диспута, в котором принимали участие священники, князья и «лучшие люди», однако в некоторых случаях характер судебного спора и принимавшихся решений должны были иметь прописанные в канонических нормах процедуры. Например, монаха могли наказать (наложить епитимью) только с соблюдением формальных процедур, особенно в тех случаях, когда церковнослужитель был не согласен с выдвинутыми в отношении него обвинениями [16, с. 132, 133 и др.].

Не исключено, что во время судебного разбирательства обвиняющая сторона могла позволить оскорбительные или угрожающие окрики или иные эмоциональные высказывания в отношении подсудимого.

В-третьих, несмотря на то, что церковь обладала юрисдикционными правами, суд, в том числе и церковный, воспринимался как княже-

ский. В этой связи А.Е. Пресняков заметил, что в судебной практике того периода времени не упоминается возможность обжалования решений этих судов [17, с. 431—432].

В-четвертых, анализ упомянутых выше источников дает все основания полагать, что разбирательство споров и нарушений канонических норм и правил обычно проводилось во внесудебном порядке и передавалось в епископские и митрополичьи суды в исключительных случаях, например, если обвиняемый имел знатное происхождение и был лишен княжеской поддержки.

Даже этот небольшой очерк позволяет разглядеть важное идеологическое обстоятельство. Дифференциация власти на светскую и церковную неизбежно способствует и дифференциации судопроизводства, ведет к разграничению подсудности. Таким образом, можно говорить о том, что всякая власть неизбежно стремится к своему собственному выражению и в сфере судопроизводства, к своему пониманию меры за преступление, однако подобная дифференциация не лишена и устремлений к унификации. Издержки автономии церковной «юридической идеологии», с одной стороны, преодолеваются путем интеграции отдельных ее процессуальных и материальных находок в светское законодательство, а с другой — достаточно серьезным влиянием общей идеологии монопольного права государя на осуждение и наказание.

Примечания

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2015.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. М., 2009.
3. Гайденок П.И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011.
4. Русское православие. Вехи истории / под ред. А.И. Клибанова. М., 1989.
5. Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.
7. Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 139—162.
8. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М., 1987. Т. I.
9. Цыпин В.А. Церковное право. М., 1994.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 9. М., 2000.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
13. Цыпин В. Каноническое право. М., 2009.
14. Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. 2009. № 4. С. 132—179.
15. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI—XIII веков. М.; Л., 1966.
16. Правила православной церкви. СПб., 1912. Т. 2.
17. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
5. Yushkov S.V. History of state and law of the USSR. Moscow, 1961. Part 1. (In Russ.)
6. Source: Theory. History. Method. Sources of Russian history. Moscow, 1998. (In Russ.)
7. Russian legislation of X—XX centuries. Moscow, 1984. Vol. 1. P. 139—162. (In Russ.)
8. Klyuchevsky V.O. Works. Moscow, 1987. T. I. (In Russ.)
9. Tsypin V.A. Church law. Moscow, 1994. (In Russ.)
10. Full collection of Russian Chronicles. Vol. 9. Moscow, 2000. (In Russ.)
11. Full collection of Russian Chronicles. Vol. 3. Moscow, 2000. (In Russ.)
12. Full collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Moscow, 1997. (In Russ.)

Reference

1. Ancient Russia in the light of foreign sources. Moscow, 2015. (In Russ.)
2. Ancient Russia in the light of foreign sources. Vol. 4. Moscow, 2009. (In Russ.)
3. Gaydenko P.I. Formation of the Supreme Church administration in Kievan Rus. Thesis for the degree of doctor of history. sciences'. Ekaterinburg, 2011. (In Russ.)
4. Russian Orthodoxy. Milestones of history / ed. A.I. Klibanov. Moscow, 1989. (In Russ.)
13. Tsypin V. Canonical law. Moscow, 2009. (In Russ.)
14. Milkov V.V. Spiritual squad of Russian autocephaly: Ilarion of Kiev. *Russia XXI*, 2009, no. 4, pp. 132—179. (In Russ.)
15. Romanov B.A. People and customs of Ancient Rus: historical and household sketches of the XI—XIII centuries. Moscow; Leningrad, 1966. (In Russ.)
16. Rules of the Orthodox Church. St. Petersburg, 1912. Vol. 2. (In Russ.)
17. Presnyakov A.E. Princely law in Ancient Russia: lectures on Russian history. Kowska Russia. Moscow, 1993. (In Russ.)